

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Дмитрий МИКОНОВ

**ОТМЕЧЕННЫЙ
СИГИЛОМ**

Роман

Москва, 2019
САРМАТА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М59

Серия основана в 2004 году
Выпуск 700

Художник
В. Федоров

Миконов Д.
М59 Отмеченный сигилом: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 313 с.: ил. —
(Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2941-7

Великая империя скатилась в бездну войны всех против всех. Сущности первородного мира превратили людские земли в кровавое ристалище. Монахи белого пламени слишком заняты, чтобы противостоять им, — они отлавливают еретиков. Имперские легионы из последних сил сдерживают мятежников. Последняя связующая нить между гибнущими провинциями — надежно защищенные караваны...

Лаен Тарк — один из лучших тайных клинков гибнущей империи. Но его враги не могут об этом знать: бывший исполнитель приговоров его величества скрывает эту часть своего прошлого. О котором не сожалеет, ибо потерял память. Он не следует клятве долга, ибо его клан призвали на эшафот. Он не чтит белое пламя, ибо в его мысли постоянно вмешивается чужой голос... Ныне Лаен нашел себя в качестве главы дозорных каравана, что следует от одного людского анклава к другому через зараженные земли, где сущности первородного мира ведут кровавую войну...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Дмитрий Миконов, 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2941-7

Часть первая

УРОЧИЩЕ КАТОРЖНИКОВ

ГЛАВА 1

451 год от возвышения Триграда, месяц бархатец

— ...Лаен! Господин Лаен! Проснитесь же наконец!

Обладатель бесцветного голоса с едва уловимым стариковским оттенком оказался настойчивее ярмарочного зазывалы. Под его напором тягучий и пульсирующий бордовым кошмар медленно, но верно отступал, оставляя после себя разграбленную безмятежность и горький привкус ржавчины на языке. Если бы не настырный старик, Лаен Тарк, как обычно, настиг бы свою жертву на ступенях каменной лестницы и всадил в ее дрожащее тело двенадцать дюймов остро заточенной стали. В чем несчастный провинился перед ним, он не знал или не помнил, но так случалось уже более тысячи ночей...

Покрытый шрамами жилистый человек распахнул карие глаза, с облегчением разрывая связь с тяжелыми видениями. Обычно он предпочитал действовать, а не наблюдать, но проклятый кошмар в какой-то момент установил свои незыблемые правила. Успокаивая дыхание, Лаен провел шершавой ладонью по темно-русому ежику волос, сбрасывая капли пота.

Какой-нибудь ханжа, родовитый житель центральных областей Аламийской империи с ходу мог посчитать его кордом — представителем одного из ассимилированных Аламией народов. За неподобающий рост, немного ниже положенных шести футов, мягкие черты лица без волевых граней и короткую прическу, достойную солдата или наемника. Но свое мнение, верное лишь отчасти, имперец, скорее всего, оставил бы при себе, едва взглянув в колючие глаза пробужденного.

— Десятник Морок! — совсем отчаявшись, скомандовал старик, и все встало на свои места.

— Да не сплю я, Фабио, успокойся! — недовольно буркнул тот, кого назвали десятником. Его рука зашарила под топча-

ном, где должна была находиться деревянная фляга с водой. Пробка полетела на пол, кадык жадно задергался, и прохладная влага пролилась на покрытые старыми рубцами грудь и живот, напрочь смывая остатки сна. Возрастом десятник был той поры, когда юношеские порывы и страсти давно закованы в цепи благоразумия, но кровь в жилах еще способна при случае расплавить оковы.

— Ты чего раскричался-то? Вроде не рассвело еще. — Протянув руку, Лаен отодвинул занавеску. За окном кибитки царила мгла, но край неба на востоке, пронзенный ледниками гор Предков, уже успел едва порозоветь.

До выхода каравана на тракт оставалась минимум пара часов.

— Господин, там ваш дозорный... этот, как его? Рыба! У ворот имперской крепости вас дожидается. Говорит, срочно очень! — Сухопарый мужчина, которому прожитые годы безжалостно изрезали морщинами лицо, скорее уже старик, с умными глазами, но неряшливым видом, напоминающий обнищавшего профессора какой-нибудь из академий Данаста, виновато развел руками в стороны и скривил губы то ли в усмешке, то ли выражая сочувствие.

Являясь старшим приказчиком владельца каравана, а также хорошим приятелем десятника, он много лет назад неудачно попал под Алмазный дождь и потерял контроль над частью мышц лица. С тех пор старик мог без труда изображать хоть ожившего мертвеца, хоть упыря не хуже лицедея на подмостках.

Убедившись, что десятник не спит, Фабио захлопнул дверь кибитки с обратной стороны и убыл восвояси, впустив в остывшее за ночь нутро крытой повозки изрядную порцию свежего воздуха. Бархатец в этом году выдался особенно холодным и мокрым, обещая караванщикам скорую осеннюю распутицу. Если начнутся дожди, множество текущих с гор ручьев вздуются мусором из разрушенных деревень и затопят низины, тогда обоз рискует надолго застрять в урочище Каторжников. Восставшим с погостов и их хозяевам, живорезам, непременно придется по душе подобный расклад.

Десятник с хрустом потянулся, с наслаждением разминая затекшие мышцы. Что там могло такого случиться? Явно ведь не нападение, иначе весь лагерь давно бы стоял на ушах. Силища немалая нужна, чтобы попытаться взять штурмом импер-

ский сторожевой форпост. Тут skutатов одних, о доспехи которых лошадь в лепешку расшибиться может, не меньше полусотни наберется.

Нетрудно было предположить, что пройдоха-комендант втридорога содрал с негоцианта за возможность каравану переждать ночь под стенами защищенной баллистами крепости и укрыться от чудовищного левиафана, иногда прилетающего со стороны горных отрогов. Но оно того стоило. А как по-другому-то? Солдатам цеха капитана Вортана тоже требовался отдых. Впрочем, как и соглядатаям десятника.

Рыба, Рыба... толковый малый. Такой зазря начальника тревожить не станет, особенно за несколько часов до отбытия. Вздохнув, Лаен натянул через голову черную льняную рубаху и подвязал тесемками серые гвардейские штаны. Что тогда? Банда ухорезов в укромной лощине тракт перекрыла и засаду готовит? Или оголтелые степняки, совершая набег, вконец обнаглели и углубились на территорию Алабийской империи настолько далеко? Мало им, кривоногим любителям кобылиц, Вольницу на юге грабить.

Или мятежники умудрились просочиться через пикеты Безземельного графа? С этих станется...

Натянув на ноги мягкие удобные сапоги с высоким голенищем из кожи иммаритской свиньи, позволяющие передвигаться почти бесшумно, десятник сомкнул веки и особым образом прислушался к ощущениям. Сигил Пустоты, выжженный на животе каленым железом, печатный символ связи с Зеркальным миром, или Шуйтаром, где потерянные Малькой души обретали пугающие формы, мерно охлаждал кожу, не предвещая опасности.

Это означало, что никто и ничто поблизости не пытается использовать магию Шуйтара для обнаружения живых или мертвых. Адепт клана джарахов, а некогда — верный слуга его императорского величества, мог утверждать это с уверенностью.

У противоположной стены, где обычно на нижнем ярусе кровати вне дозора отсыпался один из подчиненных десятника по кличке Гузло, одеяло пошло ходуном, жалобно скрипнуло дерево под грузным телом, и тишину пронзил громогласный всхрап.

Десятник поморщился — до ноздрей докатился разлитый в воздухе кислый запах дешевого вина вперемешку с чесночным

духом. Так вот чем закончилась вчерашняя проповедь отца Мэтью! Пользуясь случаем, монах затеял ее среди караванщиков сразу после банных дел и ужина. Чтобы не давать повода, десятник тоже немного послушал про белое пламя старца Ворритара, с помощью которого тот в старинные времена ловко разгонял тварей Шуйтара, а потом, утомленный переходом по опасным местам, отправился спать, прихватив с собой изрядную порцию жареного мяса.

Темно-коричневый походный плащ из грубой шерстяной ткани, с глубоким капюшоном, почти непромокаемый, завершил наряд. В таком виде джарах непременно обольстит скупую на ласки холодную красавицу-ночь и останется ее фаворитом до самого рассвета. Лаен был в этом уверен — во всей огромной Аламийской империи выходцам из клана джарахов не было равных в искусстве скрытности. Да что там империи — на всем Континенте, обитаемой части мира!

Забрав из-под матраца трехгранный стилет и тем самым завершив облачение, десятник соглядатаев каравана по прозвищу Морок покинул огромную крытую повозку.

Хитрый паук Невзра, которого джарахи считали своим покровителем, уже собирал с небесного купола свои глаза-приманки. Плеяды уже не очень ярких огоньков перемигивались над головой из последних сил. В окрестностях стоянки царствовала предрассветная тишина. Но не пустая и звенящая, что присуща склепу или могиле, а та беспокойная, шуршащая, что наступает в последние часы перед побудкой, когда самые деловитые уже не спят, а остальные ворочаются с боку на бок, из последних сил растягивая тягучую дрему перед неизбежным моментом.

Сам караван у десятника стойко ассоциировался с огромным закованным в блестящий панцирь червем-переростком, что, по рассказам пилигримов, обитают в песках Санданирского халифата, далеко на юге. Свернувшись в защитное кольцо вокруг имперского форта и ошетилившись кострами, собранное из лошадей, повозок и людей существо дремало и берегло дыхание, набираясь сил перед следующим переходом. Скрипели сыромятные ремни, намертво стягивающие дерево и металл в единое целое, хлопала на ветру просмоленная парусина, способная защитить даже от Алмазного дождя, лошадиное ржание опоенных алхимическим зельем тягловозов перемежалось с редкими окриками патрульных.

Потуже запахнув плащ и проверив доступность стилета, укрытого на поясе, десятник, не теряя времени, пошел к высоким воротам имперской крепости, где будто глаза хищника ярко горела пара факелов. Впотымах ему приходилось лавировать меж многочисленными кибитками, каретами и телегами, где спали люди и хранились товары, закупленные в приграничном Хаске. Если небесный охотник Невзра будет столь милостив, что позволит каравану достичь Атрели в Приланском лесу, а его светлость негодянт Фект Стелайский проявит привычную щедрость, всех ждал очень неплохой барыш...

Неожиданно сигил Пустоты больно уколол кожу. Рука десятника самовольно дернулась к оружию.

— Гнида справился! — Из-под одной из телег выкатилась низкорослая тень размером с крупную собаку и с клацающим звуком метнулась к десятнику. Сделав молниеносный шаг в сторону, Морок перехватил нападавшего за жесткий ворот измазанной в грязи туники. Поняв, что маневр не удался, тощий мужичонка с выпирающими мослами и ребрами задергал ногами в воздухе и тоненько заверещал: — Гнида умный! Гнида знает, что десятник невидим для Шуйтара! Но гнида хитрый! Гнида караулил, смотрел глазами...

— Тише, тише! — Лаен аккуратно опустил бедолагу на землю и быстро огляделся. К счастью, рядом никого, кроме них, не было. — Во-первых, я тебе сколько раз говорил, не кричать про то, что ты меня не видишь... э-э... своим чутьем. Говорил? — Лысый мужичонка виновато развел в стороны все четыре руки и удрученно пощелкал нижней челюстью, вытянутой далеко вперед и оканчивающейся загнутыми к верхней губе наростами-клещами. — Говорил. Вот. Не нужно об этом никому знать. Усек? Во-вторых, чего ты здесь шляешься? Если тебя увидят солдаты из форта, тебя убьют. Убьют, понимаешь? Это... как бы тебе втолковать... ну будет как в тот раз, когда ты попал к живорезам.

— У-у-у! Нет! Нет! Нет! — Кучерявые волосы на загривке Гниды встали дыбом и укололи руку десятника. Существо вырвалось и сигануло обратно под телегу. И уже оттуда робко предложило: — Лаен играть?

— Да, играть. — По-другому избавиться от общества в общем-то безобидного Гниды было затруднительно. — Твоя задача — спрятаться так, чтобы я тебя найти не смог, когда вернусь. Пару яблочек получишь, если справишься. Гнида понял?

— Да! Да! Гнида понял!

Строго глянув напоследок под повозку, десятник убедился, что уродец не следует за ним, и продолжил путь к воротам. По непонятной причине сущность Шуйтара, поднявшая и изменившая Гниду, отказалась от дальнейшего порабощения тела, вернув часть души бывшему владельцу. Его светлость негодник Фект выкупил несчастного в Хаске у отряда охотников за головами, которые планировали вести измененного на запад, на территорию Собора Воритара. По слухам, монахи щедро платили золотом за каждую необычную зараженную особь. Фект Стелайский же держал Гниду как своеобразную диковинку, которой можно было похвастать перед партнерами на важных переговорах.

У наглухо закрытых ворот, ведущих в имперский форт, на корточках сидел парень, облаченный в черную хламиду, с легким охотничьим самострелом за спиной, и катал во рту травинку. При виде начальника он вскочил на ноги и с ходу принялся докладывать:

— Господин десятник! За холм Висельника по тракту каравану никак нельзя! Туман там!

— Какой еще туман? Рыба, ты в своем уме? Алмазный дождь, что ли, собирается пойти?

— Нет, не то. Я не сразумел... — смутился парень с некрасиво вытянутым вперед лицом, на котором по обе стороны, порыбьи, располагались водянистые глаза. Именно благодаря пьяной повитухе к рябому было исключительно сложно подобраться незаметно, что делало его ценным дозорным. — Господин, это будто... морок. — Невольно произнеся негласное прозвище десятника, парень смутился еще больше и принялся частить, проглатывая слова: — Я, значит, по тракту, вперед, как вы велели. Смотрю, значит, чтобы швали всякой и мертвечины не было. С лигу, наверное, отмахал — думаю, хватит, обратно пора. А там колыба рядом, в полях...

— Что рядом? — не понял десятник.

— Ну, колыба, изба такая без окон. Там наши пастухи лето-вали, когда стада на выгоне держали, — объяснил Рыба, а десятник вспомнил, что парень был родом как раз из этих мест. — Думаю, загляну, по старой памяти, сердце повело... — Рябой с надеждой глянул в глаза десятника, понимает ли тот. Десятник понимал. Его родные места тоже подверглись разо-

рению после проклятого Ритуала, разделившего историю Аламийской империи на *до* и *после*.

— Так, колыба. Понятно. Там туман?

— Не совсем. Перешел я, значит, ржаное поле... Жалко так, господин, колосок к колоску, солнцем налитые... простите меня, господин десятник. — Он шмыгнул носом, но собрался. — За колыбой озеро, наши там скот поили, так вот, как я ни старался, озера не увидел.

— Ну, понятно, темень такая...

— Нет, — не согласился рябой и решительно мотнул головой. — До озера там рукой подать. Вроде и вижу его, а пелена взор стелет... будто Малька подолом своим перед глазами вертит. Страшно стало, аж жуть! А вдруг жница по мою душу пришла?! Я пошире глаза раскрыл, рассмотреть хочу, я потом — раз! Понимаю, что мать вспомнил и братишку малого... Думаю, ладно, с устатку мысли в кучу собрать не могу. Попил, значит, из фляжки. — В качестве доказательства Рыба было сунул под нос десятнику кожаную флягу, но тут же подозрительно быстро отдернул руку, сообразив, что начальнику вряд ли понравится исходивший от нее запах. — Хм... да, водицы испил, значит. А понять, что там у озера происходит, не могу никак! Мысли друг за дружку цепляются, тоскливо становится, охота развернуться и бежать со всех ног...

— Та-а-ак... Правильно сделал, что меня разбудил. — Десятник кивнул сбитому с толку парню, прикинул оставшееся до рассвета время и принял решение: — Давай-ка веди к колыбе своей, сам хочу поглядеть. Надо успеть, пока караван не тронулся.

— Так, может... этим сказать? — Рыба махнул рукой в сторону форта. — Пушай патруль лимитатов и скачет туды... Их ведь поставили тракт охранять.

— Этим? Рыба, ты в своем уме? — Десятник легонько стукнул подчиненного пальцем в лоб. — Ты масляную рожу капитана видел? Плачется, что сослали его сюда, а сам небось сотни лир отвалил начальству, лишь бы на фронт не отправили, на копы мятежников. Окружились стенами и сидят ровно, а там, глядишь, и война закончится. Да у нашего негоцианта золота не хватит, чтобы этих вояк за частокол выманить! Тьфу!

Смачный плевок стал своего рода эпилогом обличительной речи. Велев Рыбе показывать дорогу, десятник Лаен направился следом.

...Вязкое дыхание ночи по-хозяйски заполонило окрестные поля и леса, белесой дымкой роясь в росистых овражках и балках. Грядущий рассвет все еще не набрался смелости перешагнуть за островерхие цепи гор. Туман скрадывал звуки и будоражил воображение. Даже цикады не решались задать ритм грядущему утру: то ли ожидали непогоды, то ли опасались того, что скрывалось во тьме.

Низкие свинцовые облака нависли над ржаным полем, густо заросшим разнотравьем. В воздухе неуловимо витал аромат хлеба и меда. Но едва ли это было взаправду — почти все кордские подворья давно покинули здешние некогда благодатные земли, спасаясь от ужасных существ мира Шуйтара, живорезов и — что там юлить — солдат императора, привыкших отнимать последнее. Лишь кривые контуры изб, остатки частоккола да полуобвалившаяся колокольня церквушки вдали за полем служили напоминанием о присутствии здесь некогда добротного поселения.

Вдоль поля, почти касаясь березового подлеска, серой нитью протянулась старая разбитая колея, зажатая с двух сторон колючим осотом, вымахавшим в человеческий рост. С каждым годом, прошедшим со времен Ритуала, дорога все больше приходила в запустение, и сегодня, спустя дюжину лет, она выглядела как едва заметная узенькая тропка. В просвет облаков заглянула надкушенная желтая луна. Ночная гостя латунным бликом подсветила укрытое туманом ржаное поле и едва заметные силуэты двух человек, быстро идущих по старой колее.

— Рыба, — негромко позвал десятник. — Долго еще?

— Нет, господин Лаен, — наклонив голову, едва слышно отозвался тот. — Почти пришли.

Обещанное рябым пастушье жилище с двускатной крышей возвышалось на самом краю поля, венчая небольшой холмик. Было похоже, что местные забросили ее задолго до известных событий. Изба без окон прогнила настолько, что дальняя торцевая стена отсутствовала, рассыпавшись бревнами где-то у подножия холма. Внутри из убранства — топчаны по стенам да низкий стол в центре. Все покрыто водянистым мхом. Пахло древесной гнилью и заплесневелой прошлогодней соломой.

— Сюда, господин, сюда пожалуйте... — прошептал Рыба и сделал приглашающий жест. Он осторожно прилег животом на один из топчанов и, вытянув шею, принялся вглядываться в

черноту провала выпавшей стены. — Господин! Тумана почти нет!

Лаен не стал повторять подвиг Рыбы и поганить одежду, а, опустившись на корточки, продвинулся вперед, оперся на склизкий торец уцелевшего бревна и выглянул за пределы строения.

Ему категорически не понравилось то, что он там увидел.

Впереди, насколько позволял рассмотреть ночной полумрак, тянулась широкая ложбина с небольшим овальным озерцом посередке; за ним виднелась полоса тракта, по которому в скором времени должен был проследовать караван. Ровная гладь естественного водоема поблескивала в свете луны, будто огромный зрачок неведомого существа. На дальней стороне озера, прямо на обрывистом берегу неярко горел костер, возле которого двигались какие-то тени.

Налетевший с озера порыв ветра раздул тлеющие угли, и пламя вспыхнуло с новой силой. Круг света расширился на несколько шагов. Из темноты показалась старая скрюченная береза, корнями намертво вцепившаяся в подмытый берег, остатки мостков, торчащие из глубины, словно зубы, и... три женские фигуры.

Десятник и рябой как по команде пригнули головы и сложили глаза в сторону, чтобы ненароком не привлечь к себе внимания. Ведь всякому известно: если долго смотреть на человека со спины, тот обязательно обернется. Даже если это и не человек вовсе.

В безмолвном хороводе кружились три девицы, то пропадая, то появляясь в круге света. Их длинные черные волосы взметались от резких быстрых движений, а обноски нательных рубах, или по-другому — камиз, рваными лентами свисали с плеч, почти не скрывая стройные и гибкие тела. Белые как снег бескровные руки выписывали в ночном сумраке сложные пируэты, будто вторя мелодии невидимого музыканта, который то замедлял свой ритм, то ускорял его до невыносимых высот.

Действо завораживало, притягивало, вызывало неуместные желания. Танец достиг апогея, девицы вошли в раж, поражая своей грациозностью и изяществом линий...

«Лаен Тарк! Сударь! Очнитесь немедленно! — В голове десятника неожиданно, но весьма настойчиво прозвучал женский голос, обладающий чарующим грудным контральто. —

Я и не думала, что вы падки на таких... крестьянских девок. Боюсь, вам не придется по вкусу их ласки!»

Уже с первыми нотками женского голоса Лаена покинуло состояние оцепенения, которое, нужно сказать, возникло отнюдь не под действием витающих в округе чар. Поджав губы, десятник скривился. Резкое вторжение в собственные мысли создавало ощущение, будто его застигли за чем-то непристойным, постыдным.

«Все в порядке, Марта, — мысленно успокоил он незримую собеседницу, которую, кроме него, никто не слышал. — Я просто... вспомнил кое-что».

Лаен не мог подобрать правильные слова, чтобы объяснить возникшие чувства. А может, и не хотел подбирать. Глядя куда-то сквозь отплясывающих существ, он чувствовал боль в верхней части груди, и никак не получалось сделать вдох.

«Сестра?» — догадалась Марта. В ее голосе угадывалась грусть.

«Может быть... — через силу ответил Лаен, по большому счету не желая врать самому себе. — Не будем об этом».

«Хорошо, — с легкостью согласилась невидимая Марта и тут же чисто по-женски сменила тему: — Там этот ваш... Рыба. Сейчас совсем раскиснет».

Десятник повернул голову к подчиненному — надо сказать, весьма вовремя. Рябой мелко сучил ногами, страшно вращал повернутым к Лаену кровавым глазом и уже был готов рвануть навстречу новым, доселе неизведанным ощущениям. Бесспорно — последним в его случае.

Лаену ничего не оставалось, как рывком сдернуть подчиненного на пол, зажать ладонью рот и слегка вдарить по ребрам.

— Аугххх... — захрипел Рыба, пытаясь сделать глоток воздуха.

Десятник не зря когда-то взял рябого на службу — спустя пару ударов сердца парень очухался и знаками принялся показывать, что с ним все в порядке.

— Господин, я лучше туды, на воздух!.. — отдышавшись, прошептал он, тыча в дверной проем.

Лаен не возражал. Дождавшись, когда рябой выйдет за пределы строения, десятник вновь обратил взор на дальний берег озера.

Девы продолжали резвиться, но теперь их танец уже не выглядел столь привлекательным — однообразные движения в ночном безмолвии производили скорее жуткое впечатление. Все это выглядело как ритуал. Четкие, выверенные удары босых пяток, несомненно, создавали на земле особый магический рисунок — сигил, таинственный символ, позволяющий взаимодействовать с миром Шуйтара.

Окинув взглядом контуры невидимого во тьме ведьмовского знака, десятник неосознанно коснулся ладонью живота, где под рубашкой среди множества шрамов скрывался его собственный сигил, в шестнадцать лет нанесенный каленым железом по приказу круга старейшин клана джарахов.

«С помощью своего сигила мары восстанавливают энергию, — откликнулась Марта на думки Лаена. — В отличие от творений живорезов этот вид ведьм активен в дневные часы. К восходу солнца они закончат передавать «собранный урожай» своему принципалу в чертоги мира Шуйтара. Взамен повелитель одарит их мощью и ненавистью к людям в живом и мертвом обличье. Даже не пытайтесь помешать им, сударь. В процессе обряда твари почти неуязвимы, к тому же их защищает круг очарования. Далеко не каждый способен противостоять ему... Конечно, к отмеченным сигилом Пустоты это не относится», — усмехнулась она, как бы намекая на принадлежность Лаена к клану джарахов.

«Откуда ты все это знаешь?» — как бы невзначай поинтересовался мысленно десятник, и подзабытые подозрения зашевелились в подсознании с новой силой.

«Вообще-то, если вы забыли, при жизни я следовала завещанию гильдии детей Мальки, — с изрядной долей ехидства напомнила Марта, по всей видимости, объясняя все уже не в первый раз. — Поднимала на ноги тяжелобольных, даже после горячки и чернотелья. Хотя, если точнее, наша община лекарей занималась сращиванием плоти и лечением ран.

Так вот, про ведьм я читала в трактате о тварях, написанном иеромонахом Собора Воротара, самим Юстианом Прозорливым.

Как сейчас помню, там сказано, что перворожденными мамами считаются сестры, собственноручно казнившие родного отца-мельника за невыносимые условия жития. Как писал иеромонах Юстиан, после дознания с пристрастием, учиненного представителями Единой Церкви в присутствии младшего

княжеского писаря, выяснилось, что четыре дщери мельника, предварительно опоив его, умышленно засунули бессознательное тело отца в шестерни механизма. Хотя сами они до последнего отрицали...»

«Погоди. — Лаен мысленно прервал Марту, ухватившись за явное несоответствие. — Четыре?.. На берегу я вижу лишь трех».

«Странно. Юстиан писал, что сестры встретили очищение, взявшись за руки и поклявшись до последнего вдоха быть вместе. Даже острая сталь не смогла разрушить их обет — девушек так и закопали, четырех в одной яме. Кстати, эта грубейшая ошибка впоследствии официально признана Собором Воритара и лично его святейством патриархом Есидой... Я считаю, нам не следует здесь задерживаться».

Лаен был абсолютно согласен со своей незримой спутницей. Выбравшись из дурно пахнущей колыбы, он обратил взор на восток: туда, где купол неба по обыкновению подпирали белоснежные пики гор Предков, наблюдаемые почти из любой точки Алабийской империи. Край неба на глазах наливался красным — до того момента, как взойдет солнце, оставалось всего ничего.

— Рыба!

— Да, господин десятник!

— Ступай назад, к нашим; доложи его светлости обо всем, что видел. По тракту дальше нельзя. Пускай возницы делают крюк по объездным дорогам — холм Висельника, значит, по левую руку держат. Конечно, так немного дольше получится, так что времени зря не теряйте. К вечеру как раз должны успеть до старых мануфактур добраться, где ночевали, когда из Атрели в Хаск шли. Все понял?

— Да, господин. Я помню, там старая дорога есть: если не размочило ее сильно, повозки должны пройти. Не тракт, конечно, кости изрядно растрясет... — согласился рябой и, помолчав, нерешительно поинтересовался: — А вы как жись?..

— Я тут деревню за полем видел. — Десятник подбородком указал на запад, где по пути к колыбе ему на глаза попались покосившиеся избы. — Нужно глянуть, что и как... — И, проникновенно посмотрев на Рыбу, неожиданно признался: — Карту урочища Каторжников хочю составить, понимаешь?

— Да, господин десятник! Очень полезно это! — согласно закивал Рыба, незаметно сплевывая. Ему приходилось видеть,

как старшой дозорных во время привалов старательно выводил гусиным пером на пергаменте кружочки, черточки и разные закорючки. В такие моменты парни оставались без присмотра и появлялась возможность безнаказанно покемарить или сходить побалакать с общинными женщинами.

Десятник тем временем продолжил свою мысль:

— Потом напрямки срежу и нагоню вас, ну или уже возле мануфактур увидимся. Заодно проверю, не увязался ли за нами кто от Хаска. А то что-то мне в последнее время мерещится...

— Так, можись... я с вами? — Судя по тону, Рыба явно надеялся на отказ. Его надежды оправдались.

— Нет. За старшего у наших соглядатаев будешь, пока я не вернусь. Да, и скажи господину Вортану, чтобы дополнительных людей из своего цеха выделил для охраны. На всякий случай.

Понятливо закивав, Рыба скривил физиономию от предвкушения общения с капитаном — надменным и заносчивым типом. В расстроенных чувствах рябой, как ему показалось незаметно, достал из-за пазухи фляжку и украдкой прихлебнул из нее, кося глазом на Лаена.

Дозорный давно перестал удивляться необъяснимой привычке десятника самолично шастать по делам службы. Странный он. Будто и не «господин десятник», с которым его светлость негоциант Фект, владелец каравана, советуется по всем вопросам касаемо безопасности и разведки, а простой служка на побегушках.

Скрытный душой, что сыч лесной. Заведует дозорными уже почти год, а с парнями так браги ни разу не испил. Брезгует? Благородных кровей? С другой стороны, как десятник командование принял — порядку больше завелось, даже вечно недовольный всем Дьякон, товарищ Рыбы, это однажды признал.

Дисциплину уважает. Караульные на дежурстве заснуть боятся — ходит бесшумно, аки тот кот черный, а увидит, что закемарил дозорный, — учит прямо на месте. Если серьезная провинность — может и рукояткой плетки огреть, которая у него всегда к левому предплечью примотана. Обидно, конечно, огреть, но ведь сам виноват...

Караванчики за глаза его Мороком прозвали. Мрачный по обыкновению, будто туча грозовая, но чтобы молнии не по де-

лу в подчиненных метал — пожалуй, не было такого. Сдержан по-благородному, но не из высокой знати — бывает, такую присказку из слов бранных составит, что даже возникшие рты разевают.

Безопаснее стало. Вот и сейчас, шутка ли: обоз до самого приграничного Хаска сходил по старому тракту и уже взад наполовину возвернулся, а потеряли лишь двоих. Да и то вины господина Лаена в том не было — на привале одна из стряпух с дитем без спросу в околок пошла по ягоду, да так и не вышла, дура заполошная. Поискали, конечно, да где там...

Вспомнив пропащую, с которой, бывало, коротал время вне дозора, Рыба не удержался и, сделав вид, что мочится в кусты, еще раз слегка приложился к фляжке, поминая усопшую.

Но десятнику сейчас было не до него. Полностью погрузившись в свои мысли, он разделил часть обратной дороги с подчиненным, а потом уверенно свернул на едва заметную тропку, ведущую через упавшие плетни бывших огородов напрямиком к обветшалой деревеньке.

Конечно, непозволительная вольность Рыбы не укрылась от его внимательных глаз. В былое время за такое вообще не менее двух десятков палок по спине полагалось. И то если впервые попался. Но после Ритуала настали другие времена. Каждый искал свой способ сохранить рассудок в водовороте событий, что захлестнули Аламейскую империю двенадцать лет назад.

Мощнейшее государство Континента развалилось на провинции-анклавы буквально в первые годы гражданской войны, а сейчас попросту билось в агонии, представляясь легкой добычей для любых хищников. Как выяснилось со временем, таковых оказалось немало как снаружи, так и внутри огромного колосса на глиняных ногах.

«Когда-то это должно было произойти. — Голос Марты в голове Лаена звучал задумчиво, с нотками горечи. — Император Хелий Третий погряз во внешних войнах и внутренних интригах, что и привело...»

«Чушь все это! — неожиданно со злостью отмахнулся десятник. — Виноваты конкретные люди... а особенно этот... как его... граф Арский. Тот самый, что при императоре курировал совет алхимии. Это он придумал и провел магический Ритуал, ну или что там... В общем, именно граф ответствен за то, что сейчас происходит. Из-за него, как говорят монахи, мир Шуй-

тара породнился с нашим. Из всех щелей полезли живорезы и ведьмы, рвущие в клочья друг друга и вообще все живое. И наконец, из-за его проклятого Ритуала восстали Западные баронства!» — Последние слова Лаен едва не выкрикнул вслух, но вовремя опомнился.

«Возможно, — кротко согласилась Марта, прекрасно помня, откуда десятник родом. Тем не менее после паузы она продолжила свою линию: — Но про Ритуал известно лишь то, что говорят в народе. А людская молва, сами знаете — из уст в уста правды не сыщешь. И с каких это пор вы, сударь, начали прислушиваться к церковникам? Даже родная дочь императора, Юлия, выступила против них и своего отца... и вряд ли это произошло спонтанно, как вы утверждаете — из-за Ритуала. Ты сам-то за кого, господин десятник?» — Неожиданный вопрос поставил Лаена в тупик.

«Не твоего ума дело! — огрызнулся он, уходя в обычное подавленное состояние. Затолканные в глубины подсознания мысли о родном доме, семье, годах беспамятства в который раз прорвали выстроенную сознанием плотину. — Сколько раз просил — не лезть в мои мысли! Особенно когда твари кругом...»

Марта больше не проронила ни слова. Возможно, действительно не желая отвлекать в столь опасный час, а может, попросту обиделась.

Но Лаен продолжал размышлять над ее словами. В одном бывшая целительница была права: десятник совсем не понимал, за кого он в этой междоусобной сваре, в которую оказались втянуты даже соседние с Аламией государства.

Клан джарахов действительно испокон веков служил императору в качестве непревзойденных соглядатаев и шпионов, которых не мог почувствовать ни один заклинатель Шуйтара, будь он хоть печатник, хоть просящий. Непроницаемая оболочка сигила Пустоты защищала разум, блокируя воздействие мира Шуйтара как изнутри, так и снаружи. Именно из-за этого, как втайне подозревал десятник, душа Марты и оказалась заперта где-то в глубинах его разума.

Случилось это примерно семь лет назад или около того. Тогда целительницу прямо на глазах десятника от горла до промежности распотрошил черный алхимик, планируя призвать мощную сущность Шуйтара для своих экспериментов.

Джарах Лаен Тарк по прозвищу Морок никак не мог помешать его затее по одной простой причине — его планировалось принести в жертву следующим...

Не давая себе вновь погрузиться в мрачные воспоминания, десятник выудил из-под плаща стилет и пальцами правой руки принялся крутить его вокруг кисти. Привычные движения помогли сосредоточиться. В лунном свете блеснули нанесенные на лезвие витиеватые узоры, похожие на санданирскую вязь. Лаен не знал, что они означали и означали ли что-то вообще. Стиллет являлся трофеем и достался десятнику после одной памятной попойки в каком-то из кабаков Атрели.

«Марта! — примирительно позвал Лаен целительницу. — Ты не знаешь, что здесь написано?»

«Не имею ни малейшего представления, сударь, — холодно отозвалась Марта. Но целительница не умела долго сердиться. — Чувствую только, что это оружие может причинять дополнительную, ментальную боль. Оно как-то связано с моей гильдией, но я не понимаю, как именно. Если не ошиблась, стиллет обучен разрывать плоть, такая рана будет заживать очень долго».

«При всем уважении, Марта, пойми: я не разделяю убеждений детей Мальки. Вы обретаєте силу врачевания, жертвуя своей покровительнице в мире Шуйтара собственную плоть, боль и страдания».

«Вы несете полнейший вздор, сударь! Первородная мать, проводница душ или Малька, как называют ее аламийцы, учит не бояться страданий и увечий. И вы не совсем правы — свою плоть кладут на алтарь лишь последователи общин лекарей, где учат на хирургов и костоправов. Остальные преподносят матери иные дары».

«Да уж. — Лаен нервно усмехнулся и повел плечами. — Остальные не лучше! Доводилось мне видеть кордских слепых лекарей, с ходу определяющих недуг пациента, или заживо гниющих докторов — за неделю исцеляющих вкусивших мора. Но долго ли они протянут на этом свете? Стоят ли их страдания жизней тех, кого они спасают?»

«А в чем смысл оттягивать неизбежное, когда можно принести людям столько пользы?! — запальчиво воскликнула Марта. — Мы не выбираем свою судьбу. Мне было тринадцать, когда настал день инициации. Одна из десятка девушек-кордок, испуганная, но готовая возложить на алтарь свои страсти

и желания в обмен на способность избавлять подданных императора от болезней и страданий.

Мне повезло — я проходила обряд одной из последних; воздух молельни уже вдоволь напитался криками и был осязаемо вязким от крови. Ожидание происходящего тогда ввергало в ужас сильнее, чем само действие. Первородная Малька осталась очень довольна моим подношением и даровала мне большие возможности».

«А что потом? Тебя убил проклятый алхимик и все оказалось впустую!»

«Вы не правы... — в ее голосе бушевало настоящее пламя фанатика. — Постоянные страдания учат ценить каждый миг, каждое мгновение. Уходит шелуха повседневной праздности, твое существование оказывается подчинено единственной цели. Не страшно умереть, страшно не успеть...

Я шивала плоть раненых под стенами столицы, когда Триград осадили отряды великой княжны Юлии — или кабацкой шлюхи, как зовет ее один мой знакомый десятник. Нам, лекарям специальной коллегии по изучению болезней плоти, тогда казалось, что ее безумие вот-вот закончится и отец простит взбалмошную дочь, но не тут-то было!

Дни сменяли ночи, плоть истирала железо, а ненависть лишь крепла. А потом стали появляться ведьмы. Объявившийся в округе слуга погонщиков ведьм, или кровь, заливающая улицы, или происки черных алхимиков — что стало тому причиной, так и осталось не выяснено. А знаете почему? Потому что всем уже было плевать: прознав про ведьм, орудующих в торговом квартале, из глубин трущоб Пепла поднялся безграничный океан черни, которую гнал вперед ужас...

Отрекшиеся от императора зеркальные князья юго-запада, при поддержке Островных королевств, возвели на престол его дочь и установили свою власть в контролируемых провинциях. А я в этот момент врачевала беженцев отсюда, с востока, которых будто баранов гнали появляющиеся повсеместно твари Шуйтара, о которых ранее никто никогда не слышал. Как раз тогда живорезы начали занимать целые деревни, превращая людей в мертвые, но весьма послушные куклы.

Спустя год — вычищала колодцы Подбрюшья на юге от стекающих в них крови и тьмы. В хлебном крае тогда свирепствовали мор и ноздревая гниль. В то время еще оставалась надежда, что с севера вернется армия, сдерживающая воинствен-

ного соседа империи — Гаттейский союз, и жизнь вернется в привычное русло. Впоследствии так и вышло, армия вернулась, но у меня лишь прибавилось работы...»

«Но в итоге ты умерла, — мягко напомнил ей десятник. — А в мои планы не входит приближать собственную гибель».

«Пусть так, сударь. А что тогда входит в ваши планы? Бегать до конца жизни? Видеть своих сестер в каждой ведьме? Вспоминать отца, обвиненного в измене и вздернутого на костыле лишь потому, что он дал приют раненым мятежникам?»

«Привести караван к цели...» — будто сквозь зубы процедил Лаен, в этот момент ненавидя целительницу всей душой.

«А сможете ли? Управитесь? Командовать цехом соглада-таев ведь проще, чем собственной памятью, не так ли, сударь? — ехидно поинтересовалась Марта. — А чем вы занимались целых пять лет после того, как случился Ритуал? А? Ну-ка, попробуйте вспомнить! Не получается?»

«Изыди, женщина!..»

Посмурнев сильнее иной грозовой тучи и убрав стилет обратно на пояс, тем самым положив конец дискуссии, десятник ускорил шаг. Порой они бранились не хуже мужа и жены, проживших не один десяток лет вместе и успевших до чертиков надоесть друг другу. К счастью, никто из окружающих этого не замечал, даже вездесущие монахи-псары, слепые инквизиторы человеческих душ, которые умели чувствовать Шуйтар. Сигил Пустоты надежно действовал в обе стороны.

Не всегда раздражение вызывала именно Марта. Десятник действительно не ощущал себя хозяином собственной памяти. Шутка ли, однажды обнаружить себя связанным в клетке черного алхимика и ничего не помнить о примерно пяти годах жизни до этого момента...

Белесая дымка скрывала рытвины и норы, сапоги скользили по влажной траве, и Лаен опасался ненароком подвернуть ногу. Поле плавно перешло в молодой подлесок. Гибкие ветви цепляли края накидки и норовили оцарапать лицо. Незаметно подкравшиися тучи спрятали луну, и в окружающей мгле зашуршали первые капли начинающегося дождя, к счастью совершенно обычного.

Надвинув капюшон, десятник двигался вперед, по большей части доверяя слуху, нежели зрению. Сигил Пустоты начал потихоньку пульсировать — где-то неподалеку охотились сущности Шуйтара. Занятый анализом ощущений, десятник не ожи-

данно наткнулся руками на преграду и не сразу понял, что перед ним — часть покосившегося забора, что обрамлял бывшие крестьянские наделы. Впереди лежала покинутая деревня.

ГЛАВА 2

Одна из поперечных жердей внушила доверие, и Лаен, ухватившись за нее, в одно движение перемахнул через плетень. Подошвы сапог неожиданно глубоко погрузились в успевшую размокнуть землю, и десятник едва не потерял равновесие. Перевел дыхание и огляделся. Ближайший дом находился шагах в тридцати, прямо за темной грудой камней. Нащупав ладонью рукоять стилета, Морок осторожно двинулся вперед, но когда достиг темной кучи, был вынужден остановиться.

Груда камней оказалась частью разваленного колодца и одновременно — своеобразной могилой. Рядом с ней в землю был воткнут короткий шест, который венчала женская голова. Судя по всему, с момента смерти минуло несколько дней: грязно-зеленоватая кожа, обтягивающая череп, местами приобрела бурый оттенок и истончилась до толщины дорогого пергамента. Кончики длинных светлых волос на ветру мели землю, а белесые впадины глаз были обращены прямо на джараха.

Тела или костей рядом не наблюдалось. Возможно, упыри схарчили, а может, утащили живорезы для своих противоестественных человеку нужд.

Лаену показалось, что из жизни девица ушла совсем молодой и, скорее всего, уродиной не являлась. В военное время таким особенно тяжело приходится. Невольно на ум пришли недавние слова целительницы — если дети Мальки сознательно брали займы у своей госпожи, то чем задолжала жнице эта девчонка?! Да ей бы еще жить и детей растить...

«Мы не выбираем свою судьбу...»

Нет, с него хватит! Вечные дразги и препирательства с умершей Мартой однажды сведут его с ума. А ведь прошло всего немногим более пяти или шести лет, как он узнал, что она поселилась в его голове! Тогда чего ожидать дальше? А может, она именно этого и добивается? Хочет, чтобы он лишился разума? И вообще — кто или что она такое, в конце концов?! Целительница позволяет себе лезть в его жизнь и сокровенные тайны, чего и иная жена себе позволить не может! А ему дос-

тупно лишь то, что «славящая боль» сама изволила поведать о своей жизни среди детей Мальки.

Ничего... как только караван достигнет Атрели, он начнет действовать. Нет никаких сил более терпеть ее присутствие. Негоциант выплатит полное жалованье, и этого должно хватить, чтобы добраться до портового Вельмонда и там купить билет на корабль до Островных королевств. И тогда с прежней жизнью и с Мартой будет покончено. Говорят, тамошние заклинатели далеко продвинулись в изучении души. Не то что монахи Собора Воритара, предлагающие лишь святое пламя в качестве исцеления от всех бед!

Мертвая голова никак не отреагировала на метание мыслей джараха. Лишь продолжила буравить его взглядом пустых глазниц. Уже собравшись уходить, Лаен случайно заметил на ее лбу странные знаки, небрежно вырезанные чем-то острым прямо на коже. Едва различимые, они напомнили ему символы имперского письма, и после недолгих умственных усилий сложились в имя: «Архея».

Странно, что кому-то могло понадобиться написать на лбу убиенной ее собственное имя. С другой стороны, имперские рудники близ гор сейчас охранялись из рук вон плохо, и среди беглых каторжан попадались бывшие писари. Вполне возможно, что какому-нибудь негодяю могло взбрести в голову поглотиться подобным образом. Например, после насильных утех.

Нахлынувшая ранее серая грусть преобразилась в багровую злость. Десятник натянул на руки тонкие охотничьи перчатки. Аккуратно сняв голову с палки, он положил ее в углубление между двух крупных глыб, для верности прикрыв сверху плоским камнем. Осенив напоследок импровизированную могилу символом белого пламени Воритара, Лаен не оборачиваясь пошел к виднеющемуся невдалеке строению, на ходу представляя, что сотворил бы с насильником, попади тот в его руки.

Сам десятник тоже не был безгрешен. Но существовала черта, которую он страшился переступить, ибо переступившему не было дороги назад — так говорил сначала отец, а потом наставник в клане джарахов. Кинув красноглазому странгу кость единойды, глупо надеяться, что он не придет за другой. Лаен старался неуклонно следовать этому завету.

Тишина накрывала ближайший деревенский дом, будто саван — покойника. Кособокая бревенчатая коробка щерилась

остатками дверей и разбитыми окнами. Из некоторых тянуло таким смрадом, что заходить внутрь желания не возникало.

Стараясь не наступать на скользкое гнилье и повсюду валявшийся мусор, Лаен начал огибать строение, планируя выйти на центральную улицу. Дождь помаленьку усиливался, грозя перерасти в настоящий ливень. Неизвестная Архея никак не выходила из его головы, и родилась мысль посетить местную церквушку, примеченную еще издали.

Нет, десятник не являлся тем благопристойным прихожанином, что каждое воскресенье посещает службу — он даже проповедей отца Мэтью старался избегать, считая их слишком притянутыми и удобными для нужд Собора и в целом — Единой Церкви. Просто, раз уж так совпало, Лаен посчитал нужным произнести пару строк молитвы перед образом за упокой неизвестной ему Археи.

А может, он сделает это назло Марте? Предположение показалось десятнику слишком недостойным и гнусным, поэтому он выкинул его из головы.

К счастью, осуществить задуманное представлялось довольно легко — главная и единственная улочка деревеньки вела напрямиком к местной обители Единого Отражения. Десятник уже хотел было двинуться по ней, но пришлось повременить и засесть за плетеной изгородью — через дорогу, в избе напротив, ему показалась какая-то возня. Проклятый дождь мешал определить точно, что там происходит. То ли крысы режутся, то ли хищник лесной в поисках пропитания в человеческое жилище забрел... Сигил Пустоты подозрительно всполошился. Неподвижно просидев несколько минут, Лаен похвалил себя за осторожность.

Два широких в плечах карлика внезапно вынырнули из черного провала дверей на крыльцо, шаркая распухшими ступнями о деревянные половицы. Десятник сразу признал в них подручных живорезов, безмозглых вулдов, которых этот вид существей Шуйтара использовал для черновой работы. Массивные плечи уродцев переходили в узловатые руки, переплетенные вздувшимися мышцами. Знающие люди сказывали, что живорезы специально изменяют трупы таким образом еще на погосте, превращая мертвых в полезных рабов.

Уродцы несли безвольное тело, удерживая его за конечности так, что голова бедолаги то и дело доставала до земли и билась о камни. Судя по всему, труп пролежал в избе достаточно

долгое время и оказался изрядно поеден крысами — спустя мгновение раздался едва слышимый треск, и тело грохнулось наземь, оставив в руках одного из носильщиков свои верхние конечности.

Второй вулд не сразу обратил внимание на произошедший казус и еще некоторое время волочил несчастное тело по траве, едва не оторвав в придачу и голову. Но тут вмешался третий, и Лаен постарался слиться с оградкой в единое целое.

Какое счастье, что ему не пришлось в голову выйти на дорогу!

Надсмотрщик, а это был именно он, внезапно отделился от ствола одинокой яблони, росшей прямо во дворе дома. Оказывается, пока вулды шерудили в доме, он оставался наблюдать снаружи. Мускулистый и голый по пояс санданирец имел кожу цвета пережженного угля — оживший мертвец так ловко сливался с тьмой, что лишь движение выдало его.

Буквально в три шага преодолев расстояние в пять-шесть ярдов до горе-носильщика, лысый бугай взмахнул огромной лапищей, и карлик отлетел аж до самой избы, глухо ударился о подмоченные дождем бревна, да так и замер на земле нелепым кулем.

Лаен поморщился. Слишком часто за последнее время в лапы живорезов стали попадать выходцы из песчаного халифата. Измененные живорезами, они представляли собой весьма опасных противников.

«Император Хелий Третий самолично позвал слуг халифа для борьбы с дочерью и теперь платит им звонкой лирой, — воображение Лаена нарисовало, как Марта пожалала плечами. — Они нужны чтобы уничтожать мятежников. А что там происходит, когда пустынные попадают к сущностям Шуйтара, — не больно-то кому и интересно».

«Так и есть, — вынужден был признать Лаен. — Будь моя воля, я бы вышвырнул этих любителей сакры назад в раскаленные дюны! Говорят, что крестьяне волком воют, когда подданные халифа на постой деревню занимают... Не эти, конечно, — поправил сам себя десятник. — А живые санданирцы».

«Иногда я размышляю, — начала неожиданное Марта, — что будет... если вас, сударь, однажды поймают живорезы... или клеветы погонщиков ведьм — не важно, и попытаются превратить в одного из своих рабов? Даже закаленный разум монаха не выдержал бы подобной пытки! Мне доводилось видеть

людей в самом начале преобразований, еще до прихода сущности — и даже я нашла это очень... неприятным процессом. Так вот, если они займутся вами — какая участь в этом случае может ожидать меня?»

«Надеюсь, я никогда этого не узнаю...» — буркнул Лаен, у которого вновь на душе заскребли кошки. Он принялся отползать назад, планируя обогнуть избу с другой стороны, чтобы не встречаться с оживленными.

Все прошло как по нотам: либо удача сегодня благоволила джараху, либо темный кожей бугай оказался слишком занят творимой экзекуцией.

Пройдя задами несколько изб, десятник неожиданно заметил тусклый свет, струящийся через разбитое окно одного из домов почти у самой церкви. Надвинув на глаза край капюшона, он подкрался поближе и осторожно заглянул внутрь.

Древняя старуха склонилась над деревянной люлькой, подвешенной под поперечной балкой в центре горницы. Тусклая лучина, закрепленная на противоположной стене, давала рассмотреть лишь очертания сгорбленной фигуры и седые волосы, заплетенные в жидкие косы, которые спускались прямо в колыбель.

Бабка что-то пришептывала, время от времени склоняясь к ней лицом, но слов было не разобрать. Странно, но ее бессвязное бормотание, казалось, исходило из разных углов избы, будто одновременно говорило множество людей. Присмотревшись, десятник заметил, что пламя лучины необъяснимым образом не создавало теней. Словно горницу изобразил нерадивый художник, невнимательный к деталям. Лишь на периферии зрения, там, где сумрак дорастал до тьмы, Лаену чудились причудливые серые всполохи, своей игрой отвлекающие внимание.

«Сударь, уходите отсюда, скорее! — Голос Марты прозвучал очень встревоженно. — Благодаря сигилу слепая морфа не чувствует вас. Но, возможно, слышала. Скорее всего, она ждет, когда незваный гость еще пошумит. Не дождется — пойдет искать сама!»

Десятника не пришлось просить дважды: мягкие сапоги не издали ни звука, пока он спиной вперед пятился от загадочного дома...

Сверкнула молния, и небеса сшиблись в очередной раз, выплеснув изрядную порцию влаги. Вспышка осветила постро-

енный на пересечении улиц деревянный храм. Строение оказалось высоким бревенчатым срубом с двускатной крышей и узкими оконцами, прорубленными выше человеческого роста. Такие некогда возводила Единая Церковь империи, расширяя сферу влияния на присоединенные земли и населяющих их кордов.

Площадка с колоколом отсутствовала, будто снесенная взмахом огромной ладони или... ударом хвоста костяного левиафана. Скорее всего, проклятый титан некогда успел побывать здесь. По ошметкам бревен струилась дождевая вода. Одна из резных дверных створок, закрывавших проход внутрь здания, едва держалась на верхней петле, а второй и вовсе не было.

Осторожно поднимаясь по ступенькам крыльца, десятник молился, чтобы прогнившее дерево не выдало его звуком или того хуже — не сломалось. «Наверное, прийти сюда было все же не очень хорошей идеей...» — промелькнула в его сознании запоздалая мысль. Но следовало закончить начатое — ведь не отступать же, находясь почти у цели?

Внутри помещение оказалось меньше, чем ожидалось: два ряда деревянных лавок по центру, узкие проходы вдоль стен, а напротив входа — свернутый набок иконостас, преграждающий путь к алтарю. Еще толком не оценив обстановку, десятник по запаху определил, что в церкви кто-то недавно умер. Причем не позднее вчерашнего вечера. Обильно несло кровью и воняло требухой. Дело начало принимать совсем скверный оборот.

Через частично проломленную крышу поступало достаточно лунного света, чтобы Лаен наконец разглядел безжизненные тела двух мужчин. Первый, без видимых ранений, навзничь раскинулся на скамье у самого прохода. Второй неестественно ровно, будто прилежный семинарист на лекции, прильнул спиной к деревянному брусу подпорки, что держала остатки крыши. Как позже разобрался Лаен, в таком положении его удерживала крестовина меча, вбитого в живот вместе с куском туники.

Подойдя ближе и присмотревшись к телам повнимательнее, десятник не поверил своим глазам. Судя по одежде и амуниции, убитые являлись адептами ордена химер — последователями одного из течений магии печатников, которые использовали собственные сгиллы ради получения власти над

иллюзией. Доподлинно не было известно, каких подношений это им стоило, но освоенная орденцами техника боя в сочетании с фантомами слыла очень действенной.

Если бы так случилось, что десяток северян — закованных в кольчуги бойцов Гаттейского союза, исконных врагов Аламийской империи, выступил против боевой пары химер — Лаен не задумываясь поставил бы все свои лиры на последних.

«А сколько бы вы поставили, сударь, если б против химер выступила пара джарахов? — вкрадчиво прозвучал голос целительности. — Вот я, например, даже сейчас не уверена...»

«До этого никогда не дойдет! — категорично отозвался десятник. — Химеры и джарахи всегда выступали на одной стороне!»

«Времена изменились... Теперь происходит даже то, что никогда не могло произойти. Вам, сударь, пора перестать смотреть на мир через призму прошлого».

Десятнику не хотелось в этом признаваться, но, возможно, Марта была права. Слишком много противоречий скопилось в его мыслях. Они роились в голове, словно мелкие мураши, мешая трезво оценить происходящее и распознать истину. Но в любом случае сейчас имел значение лишь один вопрос: с какой целью урочище посетили телохранители одного из баронов, а может, даже зеркального князя, да еще и встретили здесь, на свою беду, мировую жницу?

И что могло стать причиной их смерти? В драке химеры превращались в феерию образов, в многорукое чудовище, каждую долю секунды жальщее противника серией ложных выпадов, среди которых следовал и настоящий. Выстроить защиту против такой техники было невероятно сложно. Пока противник химеры яростно размахивал оружием, пытаясь отвести несуществующие удары, боец ордена бил лишь единожды и почти всегда результативно.

Неожиданно Лаену пришла в голову вполне закономерная мысль: а где сейчас находилось то, что смогло победить одних из лучших бойцов империи?

Он вновь в недоумении огляделся вокруг, но ответов на свои вопросы не нашел. Сигил Пустоты активно пульсировал, что не давало ровным счетом никаких преимуществ. Как десятник успел убедиться — округа буквально кишела тварями. И, наверное, лишь многоглазому Невзре известно, зачем Тарка вообще понесло наносить на карту Урочища эту деревеньку...

ГЛОССАРИЙ

Аламия — центральное государство Континента. Огромная империя, простирающаяся от гор Предков на востоке до трясин Чести на западе. Северные земли империи омываются Мерцающим морем, южная граница проходит по реке Колкой. *Имперец* — коренной житель центральных областей Аламии. *Корды* — все «не имперцы», ассимилированные народы

Алмазный дождь — искусственно вызываемый живорезами ливень. Капли поют песнь Шуйтару и тревожат мертвых. У живых вызывают повреждения кожи и органов

Алхимия (белая, черная, серая) — *здесь*: жестокий процесс привлечения и заточения в живой плоти сущностей Шуйтара для получения каких-либо преимуществ или возможностей. Алхимия практически повсеместно запрещена на территории империи, за редким исключением

артефакт — *здесь*: какой-либо предмет с заключенной внутри сущностью Шуйтара. Технология изготовления артефактов на момент описываемых событий считается утерянной

Атрель — столица обитаемой части Приланского леса под управлением графа Дейрио. Единственный человеческий оплот от наседающих с севера живорезов. Падет Атрель — и восток империи окажется в полной изоляции

бархатец — сентябрь на кордском наречии

бездушные — побочные жертвы погонщика ведьм, тела которых по неизвестным причинам оказались проигнорированы сущностью. Не обладают собственной волей и памятью, но тем не менее способны выполнять простейшие поручения. По непроверенным слухам, в Санданирском халифате существуют целые гаремы из бездушных

болотный ягерь — троллеобразное существо, живущее в Крысиных дебрях

Велигест — центральное поселение Морового леса под управлением Молочного Кузнеца. Для убийц и воров нет страшнее места, чем после имперского суда попасть в артель к Молочному Кузнецу. Самых опасных ссылают именно в Велигест

велисий хвост — растение, используемое для укрепления памяти

Вельмонд — крупный портовый город на берегу Травяного моря. Образчик старинных имперских традиций и консерватизма. В настоящее время — ставка княжны Юлии и мятежников

Воритар — легендарный принципал Шуйтара. Представляется в образе белого старца, ведущего к искуплению грехов через очищение пламенем. Изначально являясь покровителем Собора, вошел в сознание кордских масс после Ритуала, когда погребение стало происходить через сожжение на костре

вуды — носильщики и чернорабочие живорезов. Опасны, лишь если полностью игнорировать угрозу с их стороны

Горинф — областной центр Подола Мальки. Практически каждый житель империи узнал о этом небольшом провинциальном городке спустя год после Ритуала, когда живорезы впервые показали, на что способен Алмазный дождь

Грязный Жор (кордское) — согласно поверьям восточных народов покровитель землекопов

Дабров лес — негостеприимный и местами заснеженный лесной массив на севере империи. В его пределах находится Собор Воритара, что не добавляет популярности данной местности

Данаст — город на западной оконечности Житницы. Центр алабийской науки, средоточие институтов по изучению Шуйтара. Здесь осваивается значительная часть казны Алабийской империи

дети Мальки (гильдия) — кордская общность докторов и целителей, практикующих излечение с помощью могущества Шуйтара. С удовольствием принимая плоды трудов послушников гильдии, алабийское общество предпочитает закрывать глаза на их весьма спорные методы работы

джарахи (клан) — умелые шпионы; глаза и уши императора в Аламии. Часто — кнут для наказания. Способны противо-

стоять вниманию Шуйтара как со стороны сущностей, так и при магическом обнаружении. Обретают свои возможности при помощи сигила Пустоты — особого знака, выжигаемого на коже старейшинами клана

Драшник — легендарный принципал Шуйтара, солдатский заступник. Представляется в образе закованного в доспехи имперского воина. Солдаты верят, что, если блюсти себя на ратном поприще и не поддаваться чрезмерной алчности при мародерстве, — после смерти обязательно попадешь в казармы Драшника

Заозерье (Заозерный край) — южные провинции империи на границе со степями Высокотравья. При весеннем половодье и разливе Колкой многие земли уходят под воду. Множество одиноких хуторов и деревень в труднодоступных местах. Центральный город — Арвин, торговый форт на реке Колкой. Город преимущественно кордских нравов и обычаев, чуждых корнным имперцам. Со времен Ритуала местные течения в городе лишь усиливались

Единая Церковь — религиозное объединение, куда входят представители софистов, монахи Воритара, часть детей Мальки, зрители перемортов. Объект поклонения — Единое Отражение как воплощение императора в различных ипостасях. Во главе стоит кардинал Винзетто

Единое Отражение — объект поклонения, собирательный образ всех императоров Аламии, от отца к сыну. У Единого Отражения вымаливают благодать и защиту. Веру в Единое Отражение распространяет церковь империи, замещая кордские языческие обряды

живорезы — общее название для одного из видов сущностей Шуйтара, заповнивших восточные области империи. В Соборе Воритара считают, что заражение начинается с появлением так называемого «хозяина», который поднимает мертвых в округе и создает подобие роя. В дальнейшем Шуйтар работает над телами, чтобы породить более совершенных и смертоносных чудовищ. По невыясненным причинам живорезы люто ненавидят ведьм

Зеркальные князья — крупные землевладельцы империи. Наместники императора. Названы так за равнозначность меж-

ду собой и особую связь с Шуйтаром посредством ордена софистов. После Ритуала по большей части представляют собой центры сосредоточения собственного влияния

изомор — трава, растущая на склонах гор Предков. Ее цветы заваривают и используют как укрепляющий настой

Иллокий — легендарный принципал Шуйтара. Представляется в образе хилого телом юноши, обманщика, творца лжи, козней и несчастий. Упоминается в кордских сказаниях как совративший жену собственного брата. Может изменить судьбу человека одним броском игральные кости. Идол для мошенников и чиновников любого масштаба, а также ловеласов всех мастей. Химеры поклоняются Иллокию для получения власти над иллюзией

Иммаритская долина — край лесов и озер, лежащий на самом краю трясин Чести. Считается, что там проживают лучшие кордские племена охотников, товары которых высоко ценятся

калирки — плохо изученное сообщество подземных ведьм. Самые мелкие особи передвигаются по подвалам и ищут спящих, часто детей, чтобы досуха выпить кровь. Напившись и раздувшись, стремятся обратно в логово, чтобы накормить главную особь для производства новых калирок

караван (обоз, община) — кочевая общность людей под предводительством негоцианта, ведущая торговлю между разрозненными провинциями империи. Для удобства управления община поделена на рабочие цеха

Колкая — протяженная река, текущая с востока на запад и отделяющая империю от степей Высокотравья. Названа так за большую вероятность получить стрелу от кочевников с противоположного берега

колыба — жилище для пастухов в теплое время года. Сруб без окон с двускатной крышей

Кордский Стан — людское поселение близ реки Колкая, через которое пролегает тракт в Вольницу и Сибар

корень стрерры (порошок) — на его основе изготавливают любовное зелье

Континент — общее название заселенного людьми мира

костеед — падальщик, трупоед. Короткие лапы с мощными когтистыми пальцами, как у крота. Узкая голова имеет сплюс-

нутую пасть, усеянную мелкими зубами в несколько рядов. Живут в норах стаями по двадцать—тридцать особей

костяной левиафан — огромное неизученное существо, что парит над горами Предков и время от времени опустошает близлежащие поселения. Монахи считают его порождением Шуйтара, ученые Данаста — естественным обитателем неизвестной грани Континента

лимитаты — конные патрули, до Ритуала несли службу в пограничных гарнизонах. После разрыва связей между провинциями используются преимущественно для подавления кордских восстаний или беспорядков

магия — в пределах Континента под понятием «магия» имеется в виду способность людей и некоторых животных использовать возможности сущностей или принципалов Шуйтара в собственных целях и интересах. Данная связь может иметь различные вариации и доступна лишь ограниченному кругу лиц, традиционно связанных с Зеркальным миром через поколения предков

Малька — легендарный принципал Шуйтара женской природы. Представляется в образе конопатой девчонки и считается кордской богиней вечного покоя. Собирает души павших и складывает их в подол собственного платья. Устоявшееся выражение «попасть к Мальке в подол» означает гибель

мара — общее название четырех кровно связанных между собой ведьм, одних из самых опасных порождений погонщиков. Их мощь настоль велика, что в связке четверка практически неуязвима. Исследователями Собора было отмечено, что мара, в отличие от остальных ведьм, довольно нейтральны в отношении людей, если их не провоцировать

Моровый лес — почти уничтоженный углежогами лесной массив к западу от реки Дир. Вотчина Молочного Кузнеца

морфа — старая слепая ведьма. С виду не опасна, но это лишь умелая маскировка — на деле обладает диким необузданным нравом и первоуродной силой Шуйтара

Невзра — легендарный принципал Шуйтара. Исследователь и первопроходец диких миров. Представляется в образе небесного паука-многоглаза, который, согласно легендам, каждую ночь рассыпает по небу свои глаза-приманки в виде драго-

ценных камней. Объект поклонения джарахов, Берлоги (гильдия наемных убийц) и некоторых известных воровских шаек

негоциант — кочевой торговец, правитель каравана; титулование — «его светлость»

неястры — ведьмы-карлики, имеющие крылья. Предпочитают нападают исподтишка, уносят скот и детей в свое логово, где пожирают

Остея — провинциальный городок на северо-востоке Заозерья. Областной центр и рынок для обширной сети озерных хуторов

остров Героев — остров с крепостью на реке Дир, по которому проходит прямая дорога на Хаск. После Ритуала остров и прилегающие территории Приланского леса полностью заражены созданиями живорезов

Островные королевства — объединение мелких островных государств на юго-западных рубежах империи. Правители островов желают ослабления сильного соседа и поддерживают мятежников

переморты (цех) — особые объединения могильщиков на территории Аламии. Во главе цеха обычно находится смотритель — церковник, сосланный в переморты за серьезные преступления перед кардиналом. Задача перемортов — искать старых, дряхлых людей, чтобы они не умерли в какой-нибудь дыре и не оказались подняты живорезами. Мусорщики или пыльники — самый низ; еретики, которым вырвали языки и отправили на улицы отрабатывать провинности перед императором

подземная вдова — опасная охотница, создающая логово-ловушку в земле. Монахами было неоднократно замечено, что ее жертвами становятся исключительно мужчины и юноши, что было подтверждено в ходе нескольких экспериментов с участием еретиков

Подол Мальки — северное подножие гор Мальки, где некогда состоялось одно из крупнейших сражений между гвардией императора и кордскими ханами

полуостров Дарр — восточная оконечность леса Дабров. Там живут охотники и умельцы народного промысла, в частности, ткачи крепчайших нитей

Приланский лес — огромный лесной массив на востоке империи. Является родиной и домом для многих необычных существ. Именно здесь до Ритуала монахи Собора и другие любознательные исследователи изучали сущностей Зеркального мира

Пытлинки — район в Атрели, бывшие казематы

пятнистый дабр — ловкий кошачий хищник величиной с крупного волка, обитающий в северных лесах

Ритуал — известное во всей империи событие, ставшее началом конца. Последовавшие за ним страшные и кровавые события окончательно исказили правду о причинах Ритуала, оставив лишь проклятия в адрес графа Арского, которого считают автором проведенного магического обряда. Некоторые небезосновательно указывают на связь между днем проведения Ритуала и началом восстания под предводительством княжны Юлии. В настоящее время если кто-то из имперцев или кордов и упоминает Ритуал, то лишь указывая на прошлое благодатное время, которое окончилось с его совершением

сакра — растение, листья которого используются для изготовления заживляющих повязок

Санданир (Санданирский халифат) — пустыня на юге за степями Высокотравья, где правит жестокий халиф. Насмешливое прозвище санданирцев — любители сакры (пустынники постоянно жуют листья этого растения, чтобы восполнить запасы влаги в организме)

Сибар — крупный город и одновременно военная крепость империи в южных землях, держащая оборону как против степняков, так и мятежников западного Заозерья. Является своего рода ключом ко всем близлежащим землям

скитница — оживленная с гипертрофированным горлом. Своим криком деморализует и оглушает войска противника

скутаты — тяжелая пехота

Собор Воритара — исследовательский и боевой орден под патронажем Единой Церкви. Общеизвестные возможности монахов: определение присутствия сущностей Шуйтара в пределах Континента и борьба с ними. Другие возможности не афишируются, но в Соборе постоянно ведутся исследования с целью увеличения архивов. Также монахи официально чтят пламя Воритара и могут его использовать. Во главе Собора в

настоящее время стоит патриарх Есида. В его подчинении находится совет экзархов

софисты (орден) — тайное сообщество зеркальных князей. Мягкая сила империи, лидеры, способные вести за собой толпы. Обращаясь к своим покровителям в Шуйтаре, софист наделяется шармом и харизмой. Софисты — это пилигримы и миссионеры распространения влияния императора. Это непревзойденные дипломаты и мастера ораторского искусства. Это блестящие генералы армий, за которыми солдаты ринутся в сам Шуйтар

Стебель настурции (цех) — со слов представителей Единой Церкви — «община наркоманов, еретиков и лжецов»

Стелая — край на северо-западе, известен суровым климатом и непокорными кордами

странг — получеловек-полудабр. Немертвый. Считается, что появился благодаря экспериментам черных алхимиков

Триград (столица империи) — огромный конгломерат городов, растянувшийся на несколько сотен лиг в самом центре Аламии

тягловоз — измененная Шуйтаром лошадь, способная переносить значительные нагрузки. В виде побочного действия зелья приобрели крайне дурной нрав

упырь — кровососущий мертвец, обретающий силу в результате неправильного захоронения или влияния близлежащих очагов Шуйтара

уравнители — элитная и загадочная по своей природе гвардия императора

урочище Каторжников — предгорная область с очень изрезанным рельефом. Некогда край Нового Света и имперского могущества. В настоящее время — покинутые земли, отчасти контролируемые солдатами, мятежниками, бандами, мародерами и прочим отребьем. Влияние Шуйтара на Урочище с каждым годом пугающе растет

Фареза — провинциальный город на юге Вольницы. Передовой оплот империи в степях Высокотравья

фийеровая настойка — добавляется в лошадиные поилки для увеличения выносливости

Халидос — столица Островных королевств

Хаск — город у истоков реки Дир. Ворота империи в Вашуйскую республику

химеры (орден) — родовое объединение телохранителей на службе у зеркальных князей. Своеобразный противовес имперским джарахам от софистов. Бойцы владеют искусством иллюзии через подношения Иллокию, что в совокупности с высокой скоростью боя делает их одними из лучших фехтовальщиков империи

Церрес — главный город Подбрюшья, где с наступлением жатвы проводится самая многолюдная в империи ярмарка продовольствия

Шуйтар, или Зеркальный мир, — мифическая обитель, в которую стекаются души после смерти. В нем обитают могущественные принципалы, каждый из которых отвечает за свой род сущностей. Иногда дикие сущности Шуйтара просачиваются в пределы Континента, нагоняя ужас на целые города. Особенно часто это происходит в новолуние, но после Ритуала — случается постоянно

эцзарх — член совета Собора Воритара

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. УРОЧИЩЕ КАТОРЖНИКОВ	5
Часть вторая. СТАНИЦА	124
Часть третья. АТРЕЛЬ	222
<i>Глоссарий</i>	304